

В. А. ТВАРДОВСКАЯ

РОДИОН РАСКОЛЬНИКОВ И ПЕТР ТКАЧЕВ

Автор наиболее обстоятельного исследования о «Преступлении и наказании», неоднократно переиздававшегося, назвал главу о рождении романа: «Мир после поражения». В. Я. Кирпотин справедливо обращает внимание, что произведение возникает в обстановке «поражения демократии и торжества реакции», «когда волна шестидесятых годов уже опрокинулась и обессилела».

Рассказывая о крахе «всеобщих и преувеличенных надежд, порожденных идеологическим и общественным подъемом шестидесятых годов», исследователь считает, что поражение движения 1860-х гг. произвело на Достоевского «более трагическое действие, чем на Щедрина, чем на Чернышевского», поскольку «означало для него крушение идеалов, во имя которых лучшие сыны России поднялись с протестом, с требованиями, понесли жертвы — и ничего не достигли».¹ Подобные утверждения способны породить мысль о том, что Достоевский разделял революционно-демократические и социалистические идеалы шестидесятников. Однако, оставляя в стороне вопрос о силе и степени разочарований Достоевского, нельзя не видеть, что сама природа этих разочарований была иная, чем у тех, кто поднялся «с протестом, с требованиями». «Ожесточенное, горькое разочарование», испытанное самим Достоевским и «вложенное им в душу многих его персонажей», о котором говорит В. Я. Кирпотин, было следствием несбывшихся надежд писателя на мирное — без победленных и победителей — преобразование страны дружными всесловными усилиями. Вряд ли правомерно, говоря о «поражении шестидесятых годов», связывать с ним крушение общественных идеалов, вдохновлявших движение, говорить о том, что «русский утопический социализм на суде шестидесятых годов держал свой ответ, и приговор был неутешителен».² Именно потому писатель и продолжал свою борьбу с идеями, которые он считал оторванными от жизни, «книжными», отвлеченными, что они по-прежнему «носились в воздухе». Тревогу и опасения внушали ему и поиски новых средств достижения цели, выдвинутой движением.

В сентябре 1865 г. Достоевский в письме к М. Н. Каткову, предлагая для «Русского вестника» новый роман, характеризует его

¹ Кирпотин В. Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова. 4-е изд. М., 1986. С. 3, 5, 7, 8.

² Там же. С. 9.

с такой полнотой, которая свидетельствует о достаточной выношенности его замысла. Рассказывая в общих чертах содержание, автор определяет и основные идеи произведения. Раскрывая намерение сделать главным героем молодого человека (бывшего студента), совершившего преступление «по легкомыслию, по шатости в понятиях поддавшись некоторым странному „недоконченным“ идеям, которые носятся в воздухе», Достоевский убежден, что сюжет, избранный им, «отчасти оправдывает современность» (28₂, 136—137). Взвзвись отобразить внутренний мир «развитого», «нового поколения человека» (28₂, 137), писатель-реалист должен был опираться на определенный жизненный материал. В письмах к Каткову Достоевский ссылается на рассказы знакомых, а также газетную хронику, запечатлевшую приказы тех процессов в среде молодежи, которые его волновали и заставили взяться за перо. (28₂, 137, 154). Ссылается и на собственные наблюдения, замечая, что «много видал» этих студентиков, гимназистиков — из тех, что «так беззаветно обратились в нигилизм» (28₂, 154).

В окружении писателя были самые разные представители молодого поколения, в том числе и его протестующей, борющейся части.

В литературе уже отмечена (В. С. Нечаевой, Г. Ф. Коган) близость к редакции «Времени» ряда литераторов и публицистов, связанных с революционным подпольем. Менее исследованы революционные связи сотрудников «Эпохи». Кроме имен землевольца Н. Ф. Бунакова, Артура Бенни, П. Н. Ткачева, Н. Я. Аристова, перешедших из «Времени» в «Эпоху» (Н. Ф. Берг перестал сотрудничать после ареста), стоит упомянуть таких авторов «Эпохи», как Н. И. Воронов, К. М. Станюкович, Д. В. Аверкиев. Все они в разной мере причастны к освободительному движению, все имели неблагонадежных знакомых, все находились под надзором полиции. Стоит обратить внимание и на группу молодежи в окружении редакции, связанную с «ишутинцами», из организации которых вышел Д. В. Каракозов. К их московскому кружку был близок А. А. Головачев,³ публицист «Эпохи», намечавшийся Достоевским в авторы «Политических обозрений», однако из-за идейных разногласий от журнала отстраненный.⁴ Возможно, что при его содействии установили контакты с «Эпохой» Л. Е. Оболенский и Кашин, преподававшие вместе с ним в бесплатной школе сестер Неведомских, устроенной московским кружком Ишутина.⁵ По-видимому, завязал отношения

³ См.: *Виленская Э. С.* Революционное подполье в России. (60-е годы XIX в.). М., 1965. С. 234—235.

⁴ В письмах А. А. Головачева Достоевскому (частично использованных В. С. Нечасвой в ее книге о журнале «Эпоха») он отстаивает особую роль «экономического начала» в государственной жизни. Видно, что они спорили не только в письмах, но и при встречах (ОР ГБЛ, ф. Достоевских (93) К. П. Д. 98).

⁵ В регистрационной тетради журнала «Эпоха» значится принятая к печати рукопись Кашина «Воспитательница», а также «Борьба» Оболенского (*Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864—1865. М., 1975. С. 283, 285; *Виленская Э. С.* Революционное подполье в России. С. 234). Скорее всего, последняя принадлежит «ишутинцу» Л. Е. Оболенскому, тогда начинающему литератору, впоследствии известному публицисту и критику, много писавшему и о Достоевском.

с редакцией и видный «шпунтинец» А. Худяков.⁶ С «шпунтинцами» был связан и постоянный сотрудник журналов Достоевских П. Н. Ткачев, а также А. И. Европеус — старый товарищ писателя по кружку петрашевцев, имевший знакомства с рядом авторов «Эпохи» (в частности, с А. А. Головачевым). Знакомых среди членов кружка Н. А. Ишутина имел и сотрудник изданий Достоевских А. Н. Плещеев.⁷

Все эти контакты с революционно-демократической средой — личные и опосредствованные могли стать важным источником впечатлений о передовой молодежи, о нигилизме и нигилистах.

Разумеется, писатель не знал о конспиративных связях сотрудников своих изданий, но об их умонастроении, направлении мыслей не мог не быть осведомлен, хотя бы в общих чертах. С заинтересовавшими его авторами он обычно искал общения. Н. Ф. Бунаков вспоминал, как обсуждались в кружке редакции «Времени» горячие и запретные общественные вопросы. Сам Достоевский пригласил его — молодого сотрудника — на такой, по-видимому, традиционный для редакции вечер, где разгорелся «шумный спор о том, возможно ли и готово ли в России революционное движение». Яростно отстаивал такую возможность и готовность — в противовес редакционному большинству — невзрачный Платон Кусков.⁸

Многие из этих молодых людей нигилистского толка явно возбуждали любопытство Достоевского не только как авторы его журнала. Неравнодушные писателя к судьбе Артура Бенни выразилось в посещениях его после ареста в тюрьме. Переписка с А. А. Головачевым свидетельствует о стремлении сохранить его в журнале, несмотря на выявившиеся принципиальные с ним расхождения: Достоевский тратит время и силы на переубеждение этого даровитого сотрудника. Сближение с Д. В. Аверкиевым произошло в начале 60-х гг., когда тот шумно оповещал о своем «нигилизме».

Среди этих «развитых», «нового поколения» людей взгляд Достоевского мог остановиться и на Петре Никитиче Ткачеве, начавшем печататься во «Времени», когда ему было 18 лет. Именно ему редакция доверила выступить с циклом статей по теме, для Достоевского особо значимой, — о судебной реформе. Не исключено, что редактор и автор были лично знакомы, хотя никаких следов переписки или других свидетельств этого не сохранилось. Ткачев уже с 1873 г. жил за границей, бежав из ссылки, — условий для собрания архива у него не было. Достоевский, как состоявший под надзором, вряд ли стал бы хранить письма революционера-изгнанника. Однако та

⁶ В регистрационной тетради отмечен «Этнографический сборник» Худякова. Возможно, имелась в виду рецензия И. А. Худякова на это издание Императорского географического общества, членом которого он был («Время». 1862. № 12). В книге В. С. Нечаевой автор назван Н. Худяковым и не отождествляется с известным «шпунтинцем» (*Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864—1865. С. 251, 280).

⁷ *Виленская Э. С.* Революционное подполье в России. С. 207.

⁸ Записки Н. Ф. Бунакова. Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. СПб., 1909. С. 50.

увлеченность Достоевским, которую П. Н. Ткачев пронес через всю жизнь, отразившаяся в работе критика и заметная хорошо его знавшим,⁹ не была ли она еще следствием и могучего личного обаяния писателя?

Стоит обратить внимание на некоторые общие — биографические, а также и идейные — черты героя романа и Ткачева. Раскольников слишком сложный и многоплановый герой, чтобы свести его к одному реальному прототипу. Мои наблюдения об одном из живых источников рождения этого образа, разумеется, ничуть не умаляют уже сделанных в литературе в этом направлении, остающихся в силе. Это лишь новое свидетельство глубины и многозначности Раскольникова.

* * *

Разночинец, из мелкопоместных дворян, существовавший литературным трудом, Ткачев — фигура в этом смысле типичная для русской журналистики начала и середины 1860-х гг. Таким было большинство из вышеупомянутых сотрудников изданий братьев Достоевских. Но Петр Ткачев — еще и студент юридического факультета университета, как и Раскольников, пишет на юридические темы. Как и герой романа, из университета «выключен». (Правда, за участие в «беспорядках», от которых Раскольников — волею автора — отстранен.)

В семье, рано потерявшей отца, как видно из скудных свидетельств современников, Петр Никитич для матери и двух сестер тоже был «надеждой и упованием», как и Родя для Пульхерии Александровны и Дуни. Современники отмечают его застенчивость (как у институтки, впервые попавшей в общество). Мария Николаевна (мать Ткачева) называла своего любимца «красной девицей». Молчаливость его с малознакомыми людьми принимали за скрытность и гордость.¹⁰ Эти качества, а также оригинальность мышления ставили Петра Никитича несколько особняком даже в родственной среде. Обособленность резко обозначилась в середине 1870-х гг. в эмиграции. Усиленная работа мысли, вызванная и родом занятий, и призванием, способствовала постоянному первому напряжению, которое привело к психическому заболеванию, когда Петру Ткачеву не было еще сорока лет.

Название романа Достоевского в литературе привычно связывают с трактатом Ч. Беккариа «Преступление и наказание» (1764), переведенного и бывшего у всех на слуху в годы подготовки судебной реформы. Вспоминают при этом и статью В. Попова, названную так же («Время». 1861. № 2. — 7, 334).

Однако значительно ближе и по времени и по проблематике к роману Достоевского статья П. Н. Ткачева «Преступление и нака-

⁹ См.: [Христофоров А. Х.] Материалы для биографии П. Н. Ткачева // Былое. 1907. № 8. С. 158.

¹⁰ См.: Козьмин Б. П. Ткачев и революционное движение 1860-х годов. М., 1922. С. 134—135; Шагматов Б. М. П. Н. Ткачев. Этюды к творческому портрету. М., 1981. С. 44—45.

занье» («Библиотека для чтения». 1863. № 2) из его цикла «Статистические этюды» (1863—1864). Она посвящена роли наказания, его воздействию на рост преступности. Симптоматично, что в письме к М. Н. Каткову Достоевский особо выделяет в романе, замысленном как многоплановый, именно эту проблему соотношения юридического наказания и преступности, решение которой он излагает полемически. «В повести моей есть, кроме того [*зачеркнуто* — таким образом], намек на ту мысль, что налагаемое [*зачеркнуто* — законом] юридическое наказание за преступление гораздо меньше устрашает преступника, чем думают законодатели, отчасти и потому, что он и сам его нравственно требует» (28₂, 137). В статье П. Н. Ткачева как раз и анализировалось, насколько способно «устрашить» преступника юридическое наказание. Автор показывает его ничтожную роль при существующих социальных условиях. Только изменение этих условий способно повлиять на преступность, поскольку, с точки зрения Ткачева, она порождается именно ими. Отголоски спора, не потерявшего остроты, слышатся и в письме и в романе.

По-видимому, сотрудничество с Ткачевым протекало негладко. В последний раз он появился в мартовской книжке «Эпохи» (1864), вышедшей в мае, со статьей о судебной же реформе. Не исключено, что и «Статистические этюды» могли быть предложены изданию Достоевских и, отклоненные редакцией по педейным соображениям, оказались в «Библиотеке для чтения». Журнал этот имел немало общих с «Эпохой» авторов. Не случайно, ликвидируя «Эпоху», Достоевский договорился с «Библиотекой для чтения», что передаст ей подписчиков своего журнала с тем, чтобы «удовлетворить» их. Своеобразным отражением подобной ситуации явилось в романе опубликование статьи Раскольниковова не в «Еженедельной речи», куда автор ее отдал, а в «Периодической речи» (завершая свое издание, «Еженедельная речь» соединилась с «Периодической речью»).

Статья Раскольниковова «О преступлении. . .» оказалась заметным явлением. Заметны были и выступления П. Н. Ткачева, посвященные проблемам преступности. И не только потому, что русская юридическая литература была скудной и в значительной мере использовала переводные сочинения. Едва ли не единственный из представителей революционно-демократической мысли, разрабатывавший серьезно проблемы юриспруденции, Ткачев выступил в определенном смысле новатором, стремясь обосновать «экономический метод в науке уголовного права». Корни преступности он искал в социальных условиях, и лишь их изменения, по его мнению, способны были повлиять на динамику преступлений.

В романе речь о статье Родиона Романовича возникает в связи со спором о роли общественной среды. Для Раскольниковова вопрос о преступлении — «обыкновенный социальный вопрос» (6, 100).

«Преступление есть протест против ненормальности социального устройства» — так передает взгляд социалистов Разумихин (6, 101). Это близко тому, что утверждал П. Ткачев, а он, как говорилось, едва ли не единственный разрабатывал эту проблему с позиций

социалиста. В упомянутой статье «Преступление и наказание» он настаивал, что именно «пшцета, бедность, неравномерное распределение богатств, одним словом, непорядок и неустройство — основная причина преступности».¹¹ Статьи раннего Ткачева признаются в современной юридической литературе вершпой уголовного права домарковского периода.¹² Важная заслуга его в том, что он упорно подчеркивал решающую роль в общественном развитии, и соответственно — в изменении юридических представлений, социально-экономических отношений, определяя ими все остальные процессы в жизни общества. Для того времени это было серьезным завоеванием демократической мысли. Но, открыв значимость «экономического принципа» в человеческом общежитии, представители крестьянской демократии в определенной мере абсолютизировали его, оторвав от других условий общественного бытия. В статьях Петра Ткачева как раз ощущаются и эта абсолютизация, и эта оторванность. Увлеченный возможностями, которые открывал «экономический метод», П. Ткачев целиком сосредоточился на экономических условиях как ключе к постижению всей жизни общества при полном отстранении от других ее факторов. А ведь у К. Маркса, на которого ссылался П. Ткачев, обосновывая «экономический метод», такой отстраненности не было.

Еще ранее — в публицистике начала 60-х гг. Достоевский горячо протестовал против стремления все определить, все объяснить «экономическим принципом». По отношению к Н. Г. Чернышевскому его протест был явно несправедлив: идеолог революционной демократии не отрывал социально-экономические связи, которые воспринимал как важнейшие, от всех остальных — нравственных, политических, культурных. Цель общественного развития, его прогресс великий мыслитель видел отнюдь не только в достижении всеобщего материального благополучия, экономической справедливости, а в том, чтобы «развивать человека в человеке». Усвоение идей Чернышевского разночинской массой сопровождалось определенной их вульгаризацией, упрощением и огрублением в середине 60-х гг., когда, употребляя выражение Достоевского, они попадают «на улицу».

Это упрощение и выпрямление сложности человеческих связей, сведение их к экономическим, дает себя знать и в статьях молодого Петра Ткачева (в 1865 г. ему 21 год).

В «Преступлении и наказании» Достоевский продолжает свою «тяжбу» со сторонниками «экономического материализма», доказывая ошибочность ставки на «экономический принцип» как ключевой и сам по себе достаточный для постижения человека и общества. Разумихин, которому автор в этом споре доверил некоторые свои мысли, возмущен по сути не столько самим объяснением преступности социально-экономическими причинами, сколько тем, что «и пи-

¹¹ Ткачев П. Н. Статистические этюды. Преступление и наказание. Этюд второй // Библиотека для чтения (далее: *БдЧт*). 1863. № 12. С. 1—33.

¹² Шагматов В. М. П. Н. Ткачев. С. 61; Остроумов С. С. Преступность и ее причины в дореформенной России. М., 1960. С. 22, 32.

каких причин больше не допускается, — и ничего» (6, 101). Не верит он, что «если общество устроить нормально, то разом все преступления исчезнут, так как не для чего будет протестовать, и все в один миг станут праведными» (там же). Разумихин негодует, что в этих рассуждениях о настоящем и будущем общественного строя «натура не берется в расчет, натура изгоняется, натура не прилагается». Он именно поэтому сомневается, что «социальная система» сама по себе «тотчас же и устроит все человечество и в один миг сделает его праведным и безгрешным» (там же).

В литературе отмечено, что многообразная социальная проблематика романа Достоевского прямо перекликается с той, которая занимала демократическую журналистику. Хотелось бы обратить внимание в этом плане на близость этой проблематики статьям раннего П. Ткачева. Это касается, в частности, художественного исследования Достоевским жизни большого города, его социальных пизов — темы, активно разрабатывавшейся бывшим сотрудником его изданий. Анализируя состояние городов Европейской России, Ткачев привлекает широкий статистический материал.¹³ В то же время он чутко уловил, что сведения официальной статистики не способны заменить голос самого города. Молодой публицист пытается услышать его и в судебной провинциальной хронике, и с помощью социологического анализа. Ткачев показывает, как с ростом фабрично-заводской промышленности, многонаселенностью городов растет в них число выбитых из жизни — тех, кто не в состоянии найти заработка. Повествуя о невыносимой давке на рынке человеческого труда, где предложение превышает спрос, Ткачев со свойственной ему резкостью и бескомпромиссностью заявляет, что общественные средства против нищеты ничтожны, что она не может быть остановлена благотворительностью.

Рассуждения Мармеладова о бедности и нищете близки тому сравнению между ними, которое проводил П. Ткачев. В статье «Бедность и благотворительность» (из упомянутого цикла «Статистические этюды») этому сравнению посвящен самостоятельный раздел «Нищенство и бедность». Показывая, как непрочны границы между этими социальными состояниями, как бедные вследствие усиленной пауперизации пополняют ряды нищих, автор видит между ними ту же разницу, что и Мармеладов: бедность еще не связана с пороком, она еще позволяет человеку сохранять общественные связи, пусть и слабеющие. Нищета же низвергает его на дно жизни: в нищете невозможно удержать ни достоинства, ни нормальных человеческих чувств («благородства врожденных чувств», по выражению Мармеладова). Протестуя против официальной точки зрения на нищету как порождение лени и разврата, демократический публицист цифрами и фактами доказывает, что нищета — следствие неумолимого давления социально-экономических обстоятельств —

¹³ Ткачев П. Н. 1) Русский город / *БдЧт*. 1864. № 4—5. С. 1—17; 2) Статистические этюды. Бедность и благотворительность. Этюд третий // *БдЧт*. 1864. № 10—11. С. 1—36.

как раз сама ведет к пороку. Он приводит характерный пример из провинциальной газеты: в Саратове мать тринадцатилетней девочки, не совладав с нищетой, «решилась, наконец, на крайнее средство» — вывела ее на улицу и стала продавать.¹⁴ Замечая, что подобное явление не единично, П. Ткачев ссылается на провинциальную прессу. «И это явление как будто не смущает нас!» — восклицает он, нарушая стиль своих «Статистических очерков», внешне суховатых, насыщенных социологическим анализом, цифровыми выкладками — той самой «арифметикой», которая, по Достоевскому, так мало объясняла в человеческой жизни. Спустя год факту, подобному этому, затерявшемуся в провинциальной хронике и промелькнувшему в статье начинающего публициста, художник сообщил свойственную языку искусства силу и выразительность. История Сони Мармеладовой стала потрясать умы и сердца.

Положение, в которое поставлен герой в романе, — крайняя бедность, переходящая в нищету, дает ему возможность близко соприкоснуться с самым дном столичной жизни, ее трущобами и трактирами, задворками доходных домов и распивочными. Духота, скученность в районе Сенной, где обитали Раскольников и семейство Мармеладовых, ютятся в перенаселенных доходных домах, вызывают в памяти статью П. Ткачева, где специально поставлена проблема влияния «густоты населения» на преступность.¹⁵

Мысли Раскольникова о собственной безвыходной нищете, постоянно испытываемое унижение перед квартирной хозяйкой, перед ее прислугой неразрывны с его раздумьями о положении тех, с кем сталкивает его жизнь в закоулках и трущобах столицы империи. Он остро ощущает ненормальность и несправедливость общественных порядков, превращающих человека в существо, лишенное достоинства и чести, в «вошь», в «тварь дрожащую». Он горячо страдает всем «оскорбленным и униженным», встретившимся на его пути, он жаждет помочь им, лихорадочно ищет выхода из положения — не только для себя, своей матери и сестры, семейства Мармеладовых, оказавшегося на самом дне жизни, но и размышляя о судьбах человечества в целом.

Хотел или нет автор, отвергавший решающее влияние социально-экономических условий («среды») на личность и общество, но условия эти, их огромная роль оказались раскрыты с достаточной силой и выступили в романе отнюдь не как второстепенные. Имея в виду «наполеоновские» планы Раскольникова, его честолюбивые замыслы, связанные с преступлением, Ю. Ф. Карякин решительно отвергает «честность», «доброту», «глубокую человечность» стремлений героя Достоевского, раскрывая «самообман» Раскольникова, якобы прикрывавшего свои узкокорыстные, эгоистические цели высокими мотивами.¹⁶ Исследователь и пытается обнажить сложный и хитрый

¹⁴ Ткачев П. Н. Статистические этюды. Этюд третий. С. 18.

¹⁵ Ткачев П. Н. Статистические этюды. Опыт разработки русской уголовной статистики. Этюд первый // *БдЧт*. 1863. № 10. С. 1—37.

¹⁶ Карякин Ю. Ф. 1) Самообман Раскольникова. М., 1976. С.130—133; 2) О философско-этической проблематике романа «Преступление и наказание» //

механизм самообмана, но, думается, отходит от внутренних противоречий образа. Воспринять Раскольникова себялюбивым эгоистом, сконцентрированным на честолюбивых («наполеоновских») мечтах о своем величии, мешает сам роман, в котором этот герой, вопреки утверждению исследователя и его искусному «препарированию» этого образа, являет и подлинную доброту, и честность, и глубокую человечность (все, что было взято в кавычки Ю. Ф. Карякиным). Стоит обратиться к самым драматическим страницам произведения, посвященным семейству Мармеладовых, где с такой пронзительной силой раскрывается ужас полного подавления личности; ее предельного унижения, — и согласиться с концепцией образа Раскольникова, предложенной Ю. Ф. Карякиным, будет невозможно. Ведь именно через восприятие Раскольникова постигает читатель страдания раздавленного человека, опустившегося, способного еще сознавать степень своего падения, но уже не в состоянии сопротивляться ему. Это его, Раскольникова, впечатления вбирает в себя читатель, ощущая и боль и негодование и испепеляющую жалость героя к растоптанным человеческим судьбам. Думается, более прав был критик, почувствовавший, что Раскольников — «одна из тех натур, которые любит Достоевский, — одна из натур, исполненных участия к чужому горю».¹⁷

Думается, что, отказывая герою в честности, доброте и гуманности, исследователь упрощает не только его образ, но и сам идейный замысел писателя, с его пониманием, что в нигилизм молодежи беззаветно обращалась «во имя чести, правды и истинной пользы» (28₂, 154). Достоевский признавал, что «основной пункт, на котором еще долго будет зиждиться социализм» (а «все нигилисты суть социалисты»), — «энтузиазм к добру и чистота их сердец» (там же).

Фразы об общем благе не просто прикрывают эгоистические цели Раскольникова, — он действительно жаждет облагодетельствовать нищих и обездоленных. Но противоречивость образа — не просто в сочетании несовместимых, казалось бы, черт, отмеченных рядом исследователей (В. Я. Кирпотиним, М. С. Гусом, В. И. Кулешовым), — бескорыстия и честолюбия, альтруизма и эгоцентризма, готовности служить общему благу и индивидуалистического своеволия. Достоевский заставляет думать о диалектике развития души, когда из добрых благородных стремлений вырастают самые зловещие и опасные тенденции. За время вызревания замысла Раскольникова многое менялось в его мироощущении. Гордый, необщительный, он,

Достоевский и его время. Л., 1971. С. 171—172. См. также: Володин А. П., Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Чернышевский или Нечаев? М., 1976. С. 231. Концепция образа Раскольникова, выдвинутая Ю. Ф. Карякиным, по сути не нова. Опираясь на те же самые признания Раскольникова, либеральный критик около ста лет назад сделал подобные заключения об отсутствии «даже какого-нибудь намека на благодеяние в замысле Раскольникова», о том, что в нем «был только душевный холод и воспаленность мечты. . . и над всем этим — необъятное самолюбие». Он увидел у героя тоже только «циническое равнодушие», как у Свидригайлова (Марков Е. Романист—психиатр. По поводу сочинений Достоевского // Рус. речь. 1879. № 6. С. 166 и след.).

¹⁷ Миллер О. Ф. Публичные лекции. СПб., 1874. С. 72; 2-е изд. — 1879.

«как черепаха в скорлупу», уходит в уединенные в своей чердачной каморке на самом верху многоэтажного доходного дома. Гордыня Раскольников — естественное следствие того постоянного унижения, которому он подвергается, своеобразная реакция на него, форма самоутверждения. Но Достоевский показывает и то, как эти гордость, непомерное честолюбие и властолюбие развиваются в герое вместе с оформлением его замысла. Именно тогда начинает он ощущать себя «властелином» не только своей, но и чужих судеб, все более воспринимая себя как сильную личность, способную переломить ход событий, бросить вызов, казалось бы, непреодолимым обстоятельствам. Судя по записным книжкам, писатель особо хотел выразить в своем герое «мысль непомерной гордости, высокомерия и презрения к этому обществу. Его идея: взять во власть это общество, ч т о б ы д е л а т ь е м у д о б р о (выделенное зачеркнуто. — В. Т.). Деспотизм его черта < . . . > Он хочет властвовать — и не знает никаких средств. Поскорей взять во власть и разбогатеть» (7, 155).

Для Ю. Ф. Карякина низменные цели Раскольника определили и столь же гнусные средства.¹⁸ У Достоевского взаимоотношение цели и средств более сложны: сама по себе благая цель еще не гарантирует правильного пути к ней. Человек, думающий стать благодетелем других, решать за них их же судьбы, невольно возвеличивается в собственных глазах. Появляется и стремление оправдать своеволие, использование скверных средств благой целью. Избранные средства по-своему влияют на намеченную цель, и незаметно общее благо отгесняется честолюбивыми мечтами: «Свободу и власть, а главное власть! Над всею дрожащей тварью и над всем муравейником! . . . Вот цель!» — так формулирует для себя свои окончательные стремления герой (6, 253).

Но эта цель ведь вырастает из первоначальной: стремления благодетельствовать, осчастливить окружающих, страдания которых надрыдают ему душу.

В логике развития идей Раскольника в определенной мере, своеобразно воплотились наблюдения и размышления писателя о «пигилизме». Надежды на активность народных масс, ярко вспыхнувшие на рубеже 50—60-х гг., не оправдались, уступив в революционной среде место разочарованию в «революционной правоспособности» народа (П. И. Ткачев). Часть революционной интеллигенции проявляла все большую готовность взять борьбу за освобождение народа на свои плечи. Заговорщические тенденции, проглянувшие уже в начале 60-х гг. в кружке П. Г. Заичневского, более отчетливо обнаруживают себя в организации «ишутинцев», хотя разделяются здесь, как и террористические замыслы, их сопровождающие, не всеми.

¹⁸ «Цель не оправдывает средства, а определяет средства», — утверждает исследователь, заявляя, что не было у Раскольника высоких целей и борьба в его сознании шла не между целью и средствами, а между правой и неправой целью (Карякин Ю. Ф. О философско-этической проблематике романа «Преступление и наказание». С. 171).

В скептицизме по отношению к революционным возможностям крестьянства как основной силы социального переворота была своя историческая логика, несомненный шаг вперед от безудержной и утопической веры во всеокрушающую мощь крестьянского восстания, характерной для большинства шестидесятников. Однако этот скептицизм в условиях пореформенной России неумолимо вел революционную мысль к столь же безудержной и утопической вере в интеллигенцию как пниципативную и решающую силу социальной революции. Одним из первых начал выражать новые умонастроения Ткачев. Выясняя его роль в движении 60-х гг., Б. П. Козьмин пришел к выводу, что уже к 1865 г. он сформировался как «бланкист», заговорщик, полагавшийся исключительно на действия «революционного меньшинства в общественных преобразованиях».¹⁹

В легальной журналистике у П. Н. Ткачева синонимом «революционного меньшинства» выступают также термины, как «реалисты», «люди будущего», противопоставляемые им «героям мещанства». Отличительный признак «людей будущего» публицист видит в том, что «вся их деятельность, даже весь образ их жизни определяется одним желанием, одною страстною идеею — сделать счастливым большинство людей. . .».²⁰

Вот из стремления «осчастливить» «большинство людей» без их участия и согласия, взяв на себя решение их судеб, и выросло сознание своей необычности, неординарности — гордыня, подобная раскольниковской.

Достоевский в лице своего героя по-своему «доканчивает», домысливает «недоконченные идеи» и понятия, «носившиеся в воздухе» середины 60-х гг. Определенные так писателем, они действительно были «недоконченными», находясь в той стадии пересмотра и становления, какую переживала тогда революционная идеология, представители которой пытались осмыслить поражение первого демократического натиска на самодержавие и нащупать новые пути и средства борьбы.

Сложная, запутанная и противоречивая система идей Раскольникова — его «теория» — не имеет аналогов в общественном движении 60-х гг. во взглядах его реальных деятелей. Да писатель, по-видимому, и не ставил своей целью воспроизведение идеологии нигилизма в мировоззрении своего героя. Он слил в этом мировоззрении наряду с действительно присущими революционной демократии взглядами (своеобразно интерпретированными) и те, которые, по его разумению, должны быть ей свойственны как непрменный итог материалистического, рационалистического образа мышления. Показав, как, осуществляя свой замысел, основанный на принципе «экономической выгоды», герой терпит крах, писатель не просто сводил старые счета с демократической мыслью. «Опрошенная» и

¹⁹ Козьмин Б. П. Ткачев и революционное движение 1860-х годов. С. 134, 136 и след.

²⁰ Ткачев П. Н. Люди будущего и герои мещанства // Дело. 1868. № 4. «Современное обозрение». С. 79.

в этом смысле огрубленная теория «разумного эгоизма» в середине 60-х гг. пропагандируется теми, кто считал себя последователями Н. Г. Чернышевского, но сильно отставал от его нравственного и теоретического уровня. Одним из рьяных приверженцев «разумного эгоизма» в его деформированном варианте оказался П. Ткачев. «Личный интерес, стремление к улучшению своего положения, к расширению средств существования, наслаждения и обладания над миром бесспорно составляют главный стимул как в деятельности индивидуума, так и целого общества. А так как улучшение благосостояния человека и расширение его средств прежде всего выражается в обеспечении его суммой вещей, или материальных предметов, то отсюда естественно следует, что общее историческое стремление человека к улучшению своего положения прежде всего должно выразиться в интересе *экономическом*, который таким образом и составляет настоящую закваску, настоящее начало, своеобразно выражающееся в праве и политике».²¹ «Закваска» преступления Родиона Раскольникова примерно та же, хотя и осложнена другими мотивами. Подобные мысли, утверждаемые П. Ткачевым как убеждения «всех мыслящих порядочных людей»,²² Достоевский мог встречать в том же «Русском слове», где стал в середине 60-х гг. печататься его бывший сотрудник, и у В. А. Зайцева, ведущего публициста этого журнала. И если подобная вульгаризация «экономических начал» чужда взглядам Н. Г. Чернышевского или А. И. Герцена, то она вовсе не была присуща и всем без исключения деятелям середины 60-х гг. Но именно так — как некий обязательный признак «нигилизма» — воспринимал «чистый утилитаризм» Достоевский, видя в нем врага нравственности, следствие бездуховного материализма. Все силой своего таланта пытался он сокрушить это опасное, с его точки зрения, заблуждение.

Опыт движения, большая зрелость революционной мысли уже к концу 60-х гг. привели к отходу от столь примитивного понимания «экономического принципа», не подвергая при этом сомнению важность социально-экономических условий в жизни общества. В противовес «эгоизму», хотя и основанному на «разумном расчете», все более утверждался в революционной среде принцип самопожертвования, самоограничения, пусть не приносящего реального практического результата, но способного зажечь своим примером, оказать нравственное воздействие на общество и народ. Думается, что свою роль в этой смене идей играла и русская литература, в частности роман «Преступление и наказание», остро поставивший проблему «экономического расчета» в общественной жизни с его уничтожающей нравственность «арифметикой».

Роман еще печатался, как процесс по делу «ишутинцев» подтвердил «шатость» нравственных понятий отдельных членов их органи-

²¹ Ткачев П. Н. Рецензия на книги Ю. Жуковского «Политические и общественные теории XVI века», «Прудон и Луи Блан» // Рус. слово. 1865. № 12. С. 31 (Библиографический листок).

²² Там же.

защиты. В ней среди возможных средств борьбы назывались и такие, как яд, кинжал, использование террора не только против властей, но и как карательной меры против инакомыслящих в самом кружке. Обсуждались планы ограбления почты²³ и частных лиц. В. Федосеев предлагал отравить своего отца, чтобы полученное наследство отдать организации. Все эти замыслы так и остались неосуществленными ввиду сопротивления им большинства членов кружка, но на суде и в обвинительном заключении они были в полной мере использованы против революционеров.²⁴

Пожалуй, «необыкновенная шатость понятий» о соотношении цели и средств, нравственности и политики с особой яркостью проявилась в статьях П. Н. Ткачева. Стремясь «распатавать» старые классовые понятия о праве, о морали, молодой публицист занял одновременно весьма шаткую в нравственном смысле позицию.

Он высмеивает представление, что могут быть общие для всех людей нормы морали, не связанные с определенным интересом какой-либо социальной группировки, — те истинные нравственные правила, которые «во всякое время одобряемы бывают людьми, имеющими ясное сознание о своей разумной и нравственной природе».

Обращая внимание на изменение нравственных понятий в классовых обществах — рабовладельческом, крепостническом, буржуазном, Ткачев считает возможным подвергнуть сомнению общечеловеческую нравственность как вневременную, несоциальную.²⁵ Для Достоевского подобное сомнение — угроза самому бытию человеческому. Недаром все естество Раскольникова противится его теоретическим доводам о возможности переступить эти общечеловеческие моральные принципы. Утверждая социальный характер морали, Ткачев признает ее прямую зависимость от существующего экономического порядка. Как и герой романа, этот «мыслящий реалист» сводит вопрос о праве к вопросу о реальной возможности, доказывая, что право — это реальная возможность удовлетворить своим потребностям.²⁶

Поддерживая подчинение понятий истины и справедливости простому расчету о полезном и целесообразном, характерное для Макиавелли, П. Ткачев сравнивает с ним Т. Мора, так и не сумевшего отрешиться от схоластических понятий о нравственности. С его точки зрения, Макиавелли как мыслитель и политический деятель глубже и радикальнее: он раздвигает привычный кругозор нравственных убеждений, «окончательно освобождает нас от тяжелых цепей схоластики», «сообщает нам здравый и трезвый взгляд». «До тех пор,

²³ Обращает с этой стороны внимание сообщение Достоевского в письме к М. Н. Каткову о попытке некоего студента, исключенного из университета, «разбить почту», о которой писателю рассказали в Москве. Именно в московском кружке «ишутинцев» возник план ограбления почты (28₂, 137).

²⁴ Покушение Каракозова. Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 217; М.; Л., 1930. Т. 2. С. 124, 345.

²⁵ Ткачев П. Н. Юридическая метафизика // *БдЧт*. 1864. № 1. С. 1—28.

²⁶ Ткачев П. Н. Рецензия на книги Ю. Жуковского. С. 37.

пока представители народных интересов будут добровольно связывать и опутывать себя схоластическими представлениями о добре и справедливости, пока они не проникнутся мыслью, что право и справедливость только на той стороне, где есть реальная возможность, т. е. совокупность всех средств — умственных, нравственных и материальных — для осуществления этого права, — до тех пор все их благородные стремления не принесут никакой осязательной выгоды тем массам людей, интересы которых они думают защищать и оберегать».²⁷ В революционном подполье подобные мнения оставались дискуссионными, но в легальной печати сопротивления до поры не встречали. По сути первым гласно и открыто дал отпор Достоевский в своем романе, где свершил суд над человеком, попытавшимся, ломая себя, освободиться от цепей общечеловеческих норм нравственности.

Воздействие художественного произведения на общественную мысль имеет свои законы: оно не столь стремительно, как у публицистики, но и не столь скоротечно. Действие романа оказалось долговременным и — с развитием освободительной борьбы — все более значимым. Но и первоначальные впечатления от него современников были достаточно сильны и определены: он стал общественным событием. П. Ткачев, по-видимому, пытался продолжить спор с писателем о роли «мыслящего меньшинства», о соотношении цели и средств. Имя Достоевского не упоминается, но его идеи и образы присутствуют в размышлениях о «людях будущего и героях мещанства». «У всех народов и во все века появляются, время от времени, люди, жертвующие во имя общественного блага своими личными выгодами и способные во имя этого общественного блага, во имя великой идеи сделать счастливыми своих ближних, на великие подвиги. Если люди эти достигают успеха, — их возводят на пьедестал героев, гениев, перед ними преклоняются и раболепствуют; если же они изнемогают в борьбе и падают, их называют сумасбродными мечтателями, и на терновый венец их глядят как на дурацкий колпак. . .».²⁸ Автор спорит с тем фальшивым значением, какое иногда «придается словом *необыкновенный* истинному деятелю нашего времени», ведь они — «не аскеты, не эгоисты, не герои — они обыкновенные люди», поставленные убеждениями в резкую противоположность со всем, что их окружает. «Относительность нравственности» защищает Ткачевым в конце 60-х гг. более осторожно, нежели в его ранних статьях. Он теперь уже вроде бы не отрицает, что нравственные правила установлены для пользы общежития, и потому соблюдение их обязательно для каждого. Однако, призывая относиться к нравственности не догматически, а критически, он тем самым сводит на нет это признание.

Но защищать необязательность этики для «людей будущего», как и ставить нравственный порядок в зависимость от личных мнений и субъективных толкований, становится явно труднее после

²⁷ Там же. С. 33.

²⁸ Ткачев П. Н. Люди будущего и герои мещанства. С. 78.

того, как даи художественный анализ нравственных вокабул Раскольникова. Не под впечатлением ли этого анализа пересматривается отношение к «героям» в журнале «Дело»? Размышляя о «русских идеалах, героях и типах», Н. В. Шелгунов предполагает, что «по мере развития народов исчезает пора героев»: «вместо силы единоличной является сила коллективная». Еще более твердо эти суждения высказаны в не пропущенном цензурой продолжении статьи, где он явно учитывает и упомянутую — недавнюю статью в «Деле» Ткачева о «людях будущего». «Зло нашего времени» видится автору в ставке на героев, а не коллективные действия. «Нас разделяет наш индивидуализм, наше стремление к особенности, наша вера в личную непогрешимость, убеждение в своей личной героизм, слабость играть вечно роль, выставляя вперед свое я в ущерб другим я, одним словом, тот несчастный индивидуализм, который, помимо общественного нашего неразвития, воспитывался в нас целым рядом романистов, рисовавших вечно героев».²⁹ Здесь даже автор «Что делать?» заслужил упрек в том, что рисовал героев, а не простых смертных. Не «герой» ли Достоевского с его размышлениями о необыкновенных личностях так подорвал доверие к этому общественному типу? Но если эти размышления и не навеяны образом Раскольникова, то и тогда они становятся подтверждением актуальности романа, затрагивавшего «болеую точку» общественного развития.

Не отрицая роли в истории необыкновенных людей, Писарев характеризует их совсем не по-раскольниковски. В его представлении они наделены чувством огромной ответственности и именно поэтому стремятся избежать кровопролития, предпочитая мирные формы переустройства общества. Однако это вовсе не единственный путь, который утверждает критик, хотя он и нарочно подчеркивает его преимущества. Веря в возможности мирного общественного обновления и радикального изменения существующих социальных отношений, Писарев, как и Герцен, вынужден признать, что опыт истории, наполненный насильственной борьбой, свидетельствует о ее неизбежности.

Подлинно «необыкновенных людей», готовых вступить в борьбу, когда все другие пути закрыты, мирные возможности исчерпаны, и «драться до тех пор, пока правое дело не восторжествует», Писарев противопоставляет непрошеным «благодетелям и установителям человечества», которые, не пытаясь найти мирный выход из затруднительного положения, по своей прихоти или корыстолюбию готовы раздавить на своем пути множество человеческих существований. Прошел лишь год, как Д. И. Писарев вышел из заключения, что впрямую связывало его в восприятии читателей с революционной средой, которую он должен был знать не понаслышке.

Вряд ли критик столь подробно остановился бы на размышлениях Раскольникова, если бы не видел реальной опасности возникновения подобных идей. В революционной среде обнаруживалась явная пере-

²⁹ Шелгунов Н. В. Русские идеалы, герои и типы // Шестидесятые годы. М.: Л., 1940. С. 186.

оценка своих сил и нежелание задуматься о возможных жертвах воплощения в жизнь планов и замыслов, рассчитанных, казалось бы, только на собственное самопожертвование, проявлялась готовность идти к цели с помощью любых, способствующих этому средств.

Достоевский уловил эти носившиеся в воздухе идеи, в середине 60-х гг. пущенные в легальную журналистику П. Ткачевым, отстаивавшим необязательность моральных норм для освободителей народа. Судьба этих, тогда еще «недоконченных» идей по-своему сложна. Ни в середине 60-х гг., ни в 70-е гг. (когда в ткачевском «Набате» они обрели определенную завершенность, вылившись в «якобинское течение» пароднической мысли) особого влияния и распространения они в русской революционной среде не получили. Однако в стране, лишенной элементарных демократических свобод, с неразвитой общественной жизнью, где всякая политическая борьба тяготела к заговорщичеству, они обнаружили паразитическую живучесть. То ослабевая, то усиливаясь, воздействие их дает себя знать на протяжении не только разночинского, но и последующего этапа движения. И в послереволюционном обществе являлись свои «благотелы и установители», готовые решать судьбы народа за его спиной, не спрашивая, желает ли он быть «осчастливленным» избранным ими способом и согласен ли заплатить за свое «счастье» назначенную ими цену.